

САНДРА БРАУН

Радость
победы

#1

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

HARLEQUIN®

Сандра Браун
Радость победы

«Центрполиграф»

1989

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Браун С.

Радость победы / С. Браун — «Центрполиграф», 1989

ISBN 978-5-227-09760-6

Спортивный репортер Джадд Макки упустил главную новость дня: известная теннисистка Стиви Корбетт потеряла сознание прямо на корте! Теперь, чтобы не лишиться места в газете, ему нужно узнать, что послужило причиной обморока спортсменки. Стиви неожиданно открылась своему заклятому врагу: у нее обнаружили опухоль. По-настоящему жареный факт! Однако Джадд не спешил строчить статью о болезни Корбетт. Вместо этого он пригласил ее к себе в загородный коттедж. Там, вдали от прессы, она сможет принять важнейшее решение в жизни: побороться-таки за Большой шлем в этом году или пойти на операцию, но тогда, возможно, о награде придется забыть... Неужели между прожженной акулой пера и звездой мирового тенниса возможна дружба или даже... любовь?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-09760-6

© Браун С., 1989

© Центрполиграф, 1989

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сандра Браун

Радость победы

The Thrill of Victory

Copyright © 1989 by Sandra Brown

«Радость победы»

© «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Пролог

– Рэмси охотится за твоей задницей, Макки.

Встревоженный молодой сотрудник поравнялся с ним возле лифта. Перспектива навлечь недовольство главного редактора не слишком взволновала Джадда Макки, известного спортивного журналиста самой крупной газеты в Далласе. Он как ни в чем не бывало направился к автомату с кофе. Кофе там был крепкий и даже густой – Макки частенько шутил, что остатки, должно быть, используют для заделки трещин на Центральном шоссе.

– Макки, ты меня слышал?

– Слышал, Эддисон, слышал. Четвертак есть?

В карманах его брюк – дорогих, но невероятно измятых – не нашлось нужного количества мелочи. Макки вообще славился тем, что не носил с собой денег, и сейчас ему пришлось одалживаться у человека, который зарабатывал в разы меньше его.

– Рэмси так зол, что впору его связывать, – предостерег Эддисон, высыпая в ладонь своего кумира горсть монет.

– Да его каждый день впору связывать. – Макки следил за тем, как струйка кофе льется в картонный стаканчик. Единственным достоинством этого напитка являлось то, что он был обжигающе горячим и черным, как ночь. Или как темные очки Макки, которые все еще сидели у него на носу, хотя он уже минут пять как находился в здании.

Практически кофеин в чистом виде, слегка разбавленный жидкостью. Макки отхлебнул из стаканчика, и стекла его очков немедленно затуманились от пара. Только сейчас он осознал, что очки на нем, снял их и кое-как засунул в карман пиджака, не менее изжеванного, чем брюки. Веки его припухли, белки глаз покраснели.

– Он велел мне поймать тебя у лифта и немедленно привести к нему в кабинет.

– Наверное, он действительно вне себя. Что я натворил на этот раз? – равнодушно бросил Макки. Майкл Рэмси был постоянно вне себя из-за Джадда Макки. Менялась лишь степень его гнева.

– Пусть он сам тебе скажет. Так ты идешь? – озабоченно спросил молодой человек.

Джадд почувствовал к нему жалость.

– Ладно, пошли.

Эддисон Как-его-там пришел в редакцию на стажировку. Он изучал журналистику в Южном методистском университете и работал на полставки. В первый же день на новом рабочем месте к нему подошел Джадд и, достав из кармана до неприличия измятый носовой платок, шутиливо предложил его Эддисону – для вытирания взмокшей шеи. Однако заметив, что юный стажер, кажется, немного задет, Джадд хлопнул его по плечу, сказал, что не хотел никого обижать, и дал Эддисону лучший совет, который только мог предложить опытный журналист начинающему, а именно: хорошенько подумать, действительно ли он хочет оставаться в этой профессии.

– Рабочий день ненормированный, оплата паршивая, условия ужасающие, и вообще, лучшее, на что ты можешь надеяться, – это то, что хоть кто-нибудь успеет прочесть твою статью до того, как ее съест собака, или на нее нагадит птичка, или домохозяйка завернет в нее куриные потроха.

Поскольку Эддисон все еще работал в «Трибьюн», можно было сделать вывод, что он не воспользовался советом бывшего репортера. Джадд непременно съязвил бы по поводу юношеского идеализма, но он слишком хорошо помнил самого себя и собственные сияющие глаза в начале карьеры.

Глаза прекратили сиять лет эдак... много назад, но изредка, обычно в хорошем подпитии, Джадд вспоминал, каково это – хотеть стать великим журналистом. Так что пусть юнец резвится, пока есть желание. Он скоро и сам узнает, что жизнь иногда играет с нами злые шутки.

Рабочий день был в самом разгаре, и редакция гудела, как улей. Журналисты стучали по клавиатурам своих компьютеров. Многие при этом еще и разговаривали по телефону, зажав трубку плечом. Мимо проносились курьеры, сваливая на столы, где и без того громоздились горы неоткрытых пакетов, все новые и новые конверты и посылки.

Некоторые сотрудники просто слонялись по редакции, потягивая кофе или какую-нибудь газировку из баночек, в ожидании новостей, достойных публикации, или – если новостей не предвиделось – божественного вдохновения.

– ...арабы. Но, с другой стороны, Израиль – привет, Джадд, – не станет...

– Тогда я ей говорю: «Слушай, отдай мне ключи!» Здорово, Джадд. А она говорит...

– ...цитировать. Привет, Джадд. Кому-то нужно набраться смелости и высказать свое мнение, в конце концов.

Джадд, которого в редакции все знали и любили, кивая направо и налево, проследовал за Эддисоном в кабинет главного редактора.

– Наконец-то, – измученным голосом выговорила секретарша. – Он уже собирался посылать меня на твои поиски, раз уж у нас нет собственной службы безопасности. Спасибо, Эддисон. Вы можете вернуться к выполнению своих непосредственных обязанностей.

Меньше всего Эддисону хотелось уходить именно сейчас, когда самое интересное только начиналось, но секретарша главного славилась не менее взрывным характером, чем ее босс. Он поплелся к двери.

– Привет, куколка. Что случилось? – Джадд бросил опустевший стаканчик в мусорную корзину. – Налей мне нормального кофе, а?

Секретарша уперла руки в бока и негодуя воззрилась на него.

– По-твоему, я выгляжу как официантка?

Джадд смерил ее оценивающим взглядом и подмигнул.

– Ты выглядишь на миллион долларов.

Не дав секретарше разразиться тирадой на тему вопиющего проявления сексизма или – в зависимости от настроения – поблагодарить его за изысканный комплимент, Джадд скрылся за дверью в кабинет главного.

Сквозь ядовитые клубы дыма от двух выкуренных пачек (всего за этот день Рэмси выкурит четыре) Джадд едва разглядел самого Майкла Рэмси. Одна сигарета торчала у него во рту, другая дымилась в пепельнице.

– Вовремя ты. – Лицо главного было медно-красным от гнева.

Джадд плюхнулся в кожаное кресло и вытянул ноги.

– Вовремя для чего?

– Не умничай, Макки. В этот раз ты действительно попал.

Вошла секретарша с чашкой кофе, приготовленного в личной кофеварке Рэмси. Джадд подарил ей одну из своих самых обворожительных улыбок и многозначительный взгляд, который, к вящему сожалению секретарши, не предполагал ровным счетом никакого продолжения.

Дождавшись, когда за ней закроется дверь, Рэмси выпустил изо рта целое облако вонючего дыма и уставился на Джадда.

– Ты прозевал самую главную новость года, касающуюся мира тенниса.

Джадд хмыкнул и обжег язык кофе.

– Так ты такой красный из-за новостей в мире тенниса? Боже мой, а я-то подумал, глядя на тебя, что «Ковбои» заявили о своем банкротстве, не меньше. Что там еще случилось? Макинрой обозвал судью неприличным словом?

– Стиви Корбетт свалилась прямо на корте сегодня утром. В Лобо-Бланко.

Ухмылка на лице Джадда немедленно увяла, а взгляд стал острым и заинтересованным. Чашка, из которой он пил кофе, была из тонкого фарфора, с узорным ободком по краю. Джадд осторожно поставил ее на стол. Рэмси взял недокуренную сигарету из пепельницы, в последний раз затянулся той, что уже была у него во рту, и стряхнул пепел в керамическую вазочку.

– Что значит «свалилась»?

– А вот этого мы как раз не знаем. Потому что наш журналист не явился на матч. Наш прославленный спортивный репортер, которому платят непомерно большие деньги, этим утром сладко спал.

– Давай без сарказма, ладно? Да, я проспал. Подумаешь. Что там произошло с мисс Корбетт? Наступила на свою косичку и упала?

– Нет, она не наступила на косичку. К счастью, хотя бы наш фотограф был там. Он сказал «свалилась».

– Типа потеряла сознание?

– Типа упала на корт и скорчилась, как гусеница.

– Какое ужасное сравнение.

Рэмси покраснел еще больше, хотя, казалось, больше было уже невозможно.

– Находишь ты в тот момент там, смог бы подобрать свое собственное сравнение.

– Мое присутствие было не обязательно. – Джадд попытался оправдаться. – Корбетт должна была легко сделать эту итальянскую девчонку.

– Так вот, она ее не сделала. Победу присудили итальянке. Корбетт выбыла из турнира.

– Она ведь только что выиграла Открытый чемпионат Франции. В этом матче она просто обязана была победить, он был практически формальностью. Я хотел днем сходить на какую-нибудь более интересную игру.

– Ага. После того как справишься с похмельем, – злобно сказал Рэмси. – В общем, как бы там ни было, а сенсационного репортажа с корта мы не получили. О том, как звезда тенниса рухнула на корт на глазах у тысяч болельщиков, которые не поленились встать с утра пораньше и по пробкам добраться до стадиона. В то время как ты почивал в кровати.

– Что говорят?

– Ничего. Ее менеджер зачитал официальное заявление для прессы. Три предложения, не дающие ровным счетом никакой информации.

– В какой она больнице? – Джадд уже мысленно перебирал своих знакомых из медицинской сферы, готовых за зелененькие бумажки продать собственную мать.

– Она не в больнице.

– Ах так... – разочарованно протянул Джадд. Весь адреналин куда-то испарился. Мозг мгновенно подал сигнал к отмене тревоги. Он снова вспомнил о своей чашке с кофе и сделал глоток. – Похоже, ты раздул целую историю из ничего, Майк. У нашей хорошенькой маленькой Стиви просто выдалась бурная ночь. Как у меня.

Рэмси покачал головой:

– Ее унесли с корта. Это тебе не последствия бурной ночи. – Он смотрел на Джадда немигающим взглядом, будто стараясь пригвоздить его к креслу. – Ты узнаешь, что именно с ней случилось, *до того*, как об этом проведают кто-либо еще. И тебе придется очень и очень поторопиться, потому что новость уже прошла по радио. Ты не слушал новости в машине?

– Я не стал включать радио. Голова болит.

– Ясно. На. – Рэмси вынул из ящика стола пузырек с аспирином и протянул его Джадду. Самый лучший его журналист, въедливый, проницательный и талантливый. И самый невыносимый. Рэмси всегда держал в столе запас аспирина – исключительно для Макки. – Возьми три штуки, четыре, да хоть все, но приди в себя и узнай, почему Стиви Корбетт упала. Рой носом землю. – Он потыкал в сторону Джадда сигаретой. – Твоя статья должна быть в вечернем выпуске.

Джадд взглянул на часы.

– У меня... как бы... днем была назначена встреча.

– Отмени.

– Нет, – уверенно заявил Джадд. – В этом нет необходимости. Я просто ей позвоню и перенесу встречу на обед. К этому времени я уже закончу с Корбетт и передам статью редактору.

Подойдя к двери, он в шутку отдал Рэмси честь.

– Знаешь, Майк, если ты не станешь немного спокойнее, то умрешь во цвете лет.

Дверь он оставил открытой. Все сотрудники слышали, как Майкл Рэмси послал вслед Джадду Макки словцо, не делающее чести ни ему, ни его матушке.

Глава 1

– О господи, это вы, – простонала Стиви Корбетт и привалилась к дверному косяку, пытаясь устоять на ногах. Из одежды на ней был лишь короткий халатик-кимоно. Светло-зеленый шелк выглядел свежим и прохладным, как спелая, налитая соком дыня.

Цепкий взгляд Джадда мгновенно отметил малейшие детали ее облика. Это просто кара Божья, не иначе. Джадд Макки был последним человеком, которого ей хотелось бы сейчас видеть.

– Я вас не ждала, – сказала Стиви.

– Я так и понял. И кто же тот счастливчик, которого вы ждали? – В глазах Макки прямо светилось желание разузнать что-нибудь жареное.

– Мой врач обещал прислать лекарство. Я подумала, что это курьер.

– Для чего, по-вашему, существуют дверные глазки? – Джадд постучал пальцем по маленькой круглой дырочке на двери.

– Мне не пришло в голову проверять.

– Очевидно, ваша голова занята чем-нибудь другим, а?

Через плечо Макки Стиви попыталась разглядеть, не появился ли там долгожданный курьер с лекарством.

– Да.

– Например, тем, какого дурака вы свалили сегодня в Лобо-Бланко.

Она метнула в него разъяренный взгляд:

– Как обычно, мистер Макки, ваши формулировки грубы и вы неверно истолковываете факты.

– Судя по тому, что я слышал, все факты я истолковал правильно.

– Слышали? Так вас там не было? – Стиви изобразила сожаление. – Какая досада. Вы бы сполна насладились моим унижением.

Он улыбнулся, и морщинки на его загорелом лице проступили более явственно.

– Я от всей души предлагаю вам свое плечо. Можете выплакаться. Почему бы вам не пригласить меня в дом и не рассказать, что же такое с вами произошло.

– А почему бы вам не отправиться к черту? – Улыбка Стиви была просто ангельской. – О моем позорном падении вы сможете прочитать в статье своего конкурента.

– У меня нет конкурентов.

– А еще у вас нет совести, скромности, вкуса и таланта.

Джадд присвистнул:

– Хотя вы и ударились головой сегодня утром, ваш паршивый характер от этого не изменился.

– У меня прекрасный характер. И я замечательно отношусь к окружающим, за исключением вас. Да и с чего бы мне притворяться? Я не лицемерка и не собираюсь делать вид, что обожаю журналиста, который пишет обо мне отвратительные статьи.

– Язвительность – это то, чего ожидают от меня читатели, – заметил Джадд. – Это моя фирменная примочка, если хотите. Так же как вот эта длинная белокурая коса – ваша. – Он погладил косу рукой, ненароком задев и грудь.

Стиви шлепнула его по руке и перекинула тяжелую толстую косу за спину.

– Я сегодня скрылась от журналистов. Как вы меня нашли?

– Я знаю, кому надо заплатить, чтобы получить любой адрес. А почему вы скрываетесь от прессы?

– Я плохо себя чувствую, мистер Макки. И у меня совершенно нет настроения с вами препираться. Если бы я знала, что это вы, ни за что не открыла бы дверь. Пожалуйста, уходите.

- Один вопрос.
- Нет.
- Почему вы потеряли сознание?
- Всего доброго.

Стиви захлопнула дверь прямо перед носом Джадда, едва не прищемив полу его пиджака. На секунду она прислонилась лбом к прохладному дереву. Ну надо же, Джадд Макки! Именно сегодня. Только вчера в его статье весьма ехидно упоминалось о ее участии в турнире.

«Нам остается лишь гадать о том, что модница Корбетт, которой недавно посчастливилось выиграть Открытый чемпионат Франции, наденет на этот матч. Чем она собирается поразить своих поклонников на сей раз? – писал Макки. – Жаль только, что ее удар слева не производит столь сильного впечатления, как сексуальные коротенькие юбочки».

С тех пор как Стиви вошла в число сильных игроков, Макки не прекращал нападков на нее. Если она побеждала, он утверждал, что ей повезло. Если проигрывала – подробнейшим образом анализировал все ее ошибки. В наблюдательности ему не откажешь. Именно поэтому Стиви ненавидела статьи Макки. Он ни разу не похвалил ее – ни как человека, ни как спортсменку.

В последнее время, однако, Макки чуть поутих: Стиви не давала ему повода злопыхательствовать. Она выигрывала. Только что – Открытый чемпионат Франции. Это вплотную приблизило ее к Большому шлему. Дальше будет Уимблдон. Уимблдон?

Обычно одно только это слово вызывало в ней радостное предвкушение. Сейчас же она ощутила лишь дурное предчувствие. Пожалуй, на сегодняшний день Джадд Макки – это наименьшая из ее проблем.

Машинально прижав ладонь к животу, Стиви пошла на кухню, чтобы налить себе чашку горячего чая. Иногда теплое питье помогало ей почувствовать себя лучше.

Она наполнила чайник и поставила его на плиту. В дверь снова позвонили. На этот раз Стиви, наученная горьким опытом, сначала посмотрела, кто там. Весь обзор закрывал пузырек с таблетками, который кто-то поднес к самому дверному глазку. Стиви открыла дверь.

Джадд Макки широко улыбнулся и потряс у нее перед носом пластиковой бутылочкой. Стиви испустила вопль ярости.

- Как вам это удалось?
- Пять долларов и обещание передать вам лекарство лично. Я выдал себя за вашего нежного и заботливого брата.
- И он вам поверил?
- Понятия не имею. Он взял деньги и умчался. Смышленный паренек. Теперь вы пригласите меня войти?

Вздыхнув, Стиви отступила от двери, и Джадд проник внутрь. Несколько секунд они молча разглядывали друг друга. Несмотря на многолетнее знакомство, в основном заключавшееся в обмене колкостями, они в первый раз оказались наедине.

Хотя нет, был еще один случай несколько лет назад. В Стокгольме. Но тогда они были не совсем одни, и вообще Стиви сомневалась, что Макки помнил об этом.

А он выше, чем кажется на расстоянии, подумала Стиви. Они частенько пересекались на светских тусовках или благотворительных вечеринках. Иногда Макки даже игриво махал ей ручкой; эта его нахальная манера неизменно приводила Стиви в бешенство.

Может быть, он выглядел ниже из-за своей одежды? Макки придерживался, мягко говоря, повседневного стиля. Сейчас, когда он был так близко, Стиви с удивлением отметила, что ее макушка находится лишь чуть выше его подбородка. Волосы у него были каштановые, вечно взъерошенные. Макки снял темные очки. Точно, и глаза у него светло-карие, вспомнила Стиви.

Она протянула руку за таблетками. Он поднял пузырек повыше – так, чтобы Стиви не могла до него достать.

– Мистер Макки!

Пронзительно засвистел чайник, как бы давая сигнал завершить глупую ситуацию. Стиви повернулась и направилась в кухню. Джадд последовал за ней. Они прошли через ряд просторных светлых комнат.

– Неплохая квартирка.

– Какой банальный оборот для человека, работающего со словом, – съязвила Стиви, заливая кипятком пакетик с чаем. – Будете травяной чай с медом?

Он скривился:

– Лучше предложите мне «Кровавую Мэри».

– Ах, какая жалость. У меня как раз только что закончились «Кровавые Мэри».

– Кока-кола?

– Диетическая.

– Пойдет. Спасибо.

Стиви размешала в своей кружке мед, сделала глоток, налила в стакан кока-колу и передала его Джадду.

– Желудок болит?

– Нет. С чего вы взяли?

– Мама всегда заставляла меня пить чай, если у меня болел живот и тошнило.

– У вас есть мама? Вы не порождение ехидны?

– Как коварно. – Макки приподнял бровь. – Как тот эйс, которым вы выиграли у Мартины в прошлом месяце.

– Насколько я помню, вы не потрудились упомянуть о нем в своей статье. Просто сказали, что у Мартины выдался неудачный день.

– Вы читаете мои статьи?

– Вы ходите на мои матчи?

Наслаждаясь перепалкой, Джадд широко улыбнулся и откинулся на спинку барного стула из гнutoго дерева. Стиви снова протянула руку.

– Может быть, вы все же отдадите мне мои таблетки?

Он не торопясь изучал этикетку.

– Это болеутоляющее.

– Правильно.

– Зубы болят?

Стиви оскалила зубы:

– Раскрыть рот пошире? Чтобы вам было удобнее осмотреть коренные?

– Я неплохо вижу ваши коренные и так. Они в полном порядке.

Стиви бросила на него высокомерный взгляд:

– Таблетки, пожалуйста.

– Растяжение связок? «Теннисный» локоть? Вывих плеча?

– Ничего подобного. Отдайте мне, пожалуйста, таблетки и прекратите паясничать.

Пожав плечами, Макки поставил пузырек на барную стойку.

– Благодарю вас.

– Всегда к вашим услугам. Похоже, вам действительно нужны эти таблетки.

– Вам откуда знать?

– Мускулы вокруг рта напряжены. – Кончиком пальца он коснулся уголка ее губ.

Стиви отдернула голову и быстро отвернулась. Налив в маленький стаканчик воды из-под крана, она сунула в рот две таблетки и запила их. Затем, уже спокойнее, она снова уселась за барную стойку и взяла свою кружку с чаем.

Молча она выпила почти весь чай. Макки смотрел на нее не отрываясь. Правило «если на нежелательное явление долго не обращать внимания, оно само собой исчезнет» в случае с ним явно не срабатывало. Стиви вздохнула.

– Что вы здесь делаете, Макки? – устало спросила она.

– Выполняю задание газеты.

– Разве вы не должны сегодня присутствовать на каком-нибудь крупном бейсбольном матче? Или на турнире по гольфу? Или еще на какой-нибудь игре в Лобо-Бланко?

– Сегодня вы – главная новость дня, нравится вам это или нет.

Стиви закатила глаза.

– Не нравится, – сквозь зубы пробормотала она.

Джадд облокотился о барную стойку и подпер щеку рукой.

– Почему же вам стало плохо утром? Вряд ли из-за жары. Было не так уж и жарко.

– Да. Был самый подходящий для тенниса день.

– Поздно легли вчера? Позволили себе лишнего?

Стиви смерила помятого, растрепанного Макки презрительным взглядом:

– Я никогда не позволяю себе лишнего в ночь перед матчем.

– А зря. Это могло бы придать огоньку вашей манере игры. – Джадд ослепительно улыбнулся.

Стиви усмехнулась и покачала головой.

– Вы неисправимы, Макки.

– Мне это уже говорили.

– Послушайте, я очень устала. Когда вы заявили в первый раз, я как раз собиралась лечь в постель. Теперь, когда я приняла лекарство, мне тем более нужно прилечь. Доктор сказал, мне необходимо отдыхать.

– Доктор предписал вам постельный режим?

– Да.

– Хмм. – Макки неторопливо отхлебнул кока-колы. – Это может означать все, что угодно. Но, полагаю, если бы вас выводили из запоя или снимали ломку, вы бы сейчас были в больнице.

– Я что, похожа на алкоголичку? Или наркоманку? – негодуяще спросила Стиви, мгновенно расправив плечи.

Джадд наклонился ближе и, оттянув нижнее веко, внимательно изучил глаз Стиви.

– Да вроде нет. Зрачки не расширены. И вы, судя по всему, не сидите ни на каких лекарствах. Тонус кожи хороший, следов от уколов не видно. Глаза чистые.

Стиви гневно стряхнула его руку:

– В отличие от ваших.

Ничуть не смутившись, Макки одобрительно оглядел Стиви с головы до ног.

– На самом деле для человека, у которого есть какая-либо зависимость, вид у вас слишком здоровый. Ну разве что вы подсажены на продукты с богатым содержанием клетчатки и низким содержанием холестерина. Что же с вами произошло? Соевый творог попался несвежий, что ли?

Стиви закрыла лицо руками:

– Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Настроение у нее было хуже некуда. А ужаснее всего было то, что сейчас Стиви боялась оставаться наедине со своими мыслями и общество Макки, хоть он и раздражал ее безмерно, было все же предпочтительнее одиночества.

– Что ж, это проливает некоторый свет на ситуацию.

– Что вы еще придумали? – Невольно Стиви заинтересовалась.

– Вам нужно паблисити.

– Ради бога, – простонала она. – Как раз это мне нужно меньше всего.

– Ага. И именно поэтому вы рекламируете столько продуктов. Ваше лицо не сходит с телеэкрана и журнальных обложек. И так будет еще много лет. – Макки сузил глаза. Ресницы у него были густые и длинные. – А может быть, вы симулировали обморок, чтобы избежать матча?

– С чего бы это мне так делать?

– Эта итальяночка неплохо играет.

– Но я лучше!

– *Были* лучше. Однако возраст... – протянул Макки. – Сколько вам сейчас? Тридцать один, кажется?

Это было действительно больное место.

– Это мой самый удачный год! – выпалила Стиви. – Вы же знаете это, Макки. Я собираюсь выиграть Большой шлем!

– Сначала вам нужно выиграть Уимблдон.

– Я выиграла его в прошлом году.

– Но молодые соперницы дышат вам в затылок. У них в сто раз больше способностей и выносливости.

– Выносливость – одна из моих самых сильных черт.

– Да-да. И ваша косичка тоже. И телосложение у вас не спортивное.

– Как и у большинства игроков Национальной футбольной лиги США. И что с того?

– Вы даже не похожи на спортсменку. – Макки уставился куда-то в район ее декольте.

Разъяренная Стиви оглядела себя и поняла, что так привлекло его внимание. Халат на ней разошелся, и виднелась нежная округлая грудь. Она поспешно запахнула кимоно и поднялась со стула.

– Самое время вышвырнуть вас вон.

Макки, не обращая внимания на ее гнев, спокойно продолжил:

– Может быть, причиной вашего обморока стало обыкновенное волнение?

Внутри у Стиви все так и кипело, однако она решила не поддаваться на провокацию и не отвечать ничего.

– В глубине души вы всегда знали, что в вас нет того, что делает чемпиона чемпионом. Вам не хватает совсем чуть-чуть. Буквально одной миски «Завтрака для чемпионов». – Тон Макки был издевательским. – Вы однодневка.

– Это вряд ли, Макки. Я в профессиональном теннисе уже двенадцать лет.

– Но добиться успеха вам удалось не более чем пять лет назад.

– Это говорит о том, что с годами я становлюсь лучше, а не хуже.

– Ну, если судить по тому, что случилось сегодня утром...

– Мой возраст не имеет никакого отношения к...

Макки вскочил.

– Ну же, Стиви. Продолжайте. Почему вы упали в обморок?

– Не ваше дело, черт вас возьми! – закричала она.

– Судороги? Ногу свело?

– Нет! Какие еще судороги!

– Ага, – медленно произнес Джэдд. Склонив голову набок, он еще раз пробежал глазами по ее телу. Не упустил ли он чего-нибудь? – Может быть, есть еще одна причина, если не судороги? – Голос его стал подозрительно медовым. – Например, ребенок?

Стиви вытаращила глаза:

– Вы с ума сошли!

– Так вы беременны, – нагло заявил он. – И кто счастливый отец? Этот скандинавский башмачник, который разработал специально для вас теннисные туфли?

– *Я не беременна.*

- Или это тот самый игрок в поло с Бермудов?
- Он из Бразилии!
- Не важно, пусть из Бразилии. У него еще куча цепочек на шее и по меньшей мере четыре ряда зубов.
- Все, хватит.
- Или вы даже не знаете, чей это ребенок?
- *Хватит!* – завизжала Стиви и прижала руки к животу. – Нет никакого ребенка! Нет никакого ребенка, – повторила она со слезами в голосе и заплакала. – И никогда не будет, наверное. Чтобы удалить опухоль, им, возможно, придется удалить и все остальное.

Глава 2

Джадд понятия не имел, что делать в такой ситуации. Он глубоко вздохнул и даже слегка икнул. Обычно он хладнокровно реагировал и на более шокирующие признания, однако сейчас почему-то не мог безучастно отнестись к происходящему.

Стиви повернулась к нему спиной. Ее длинная светлая коса, которая так задорно подпрыгивала во время игры, уныло повисла. Она казалась слишком тяжелой для ее тонкой шейки. Или, может быть, это Стиви внезапно стала казаться более хрупкой и беззащитной?

Ее узкие плечи сотрясались. Она плакала горько, навзрыд, всхлипывая и подвывая, и Джадд вдруг забыл о своем привычном цинизме и подошел к Стиви поближе.

– Тихо, тихо... – Он взял ее за плечи и развернул к себе лицом. Она слабо сопротивлялась. Джадд притянул ее к себе и обнял. – Простите. Если бы я знал, что все так серьезно, я бы не стал вас так изводить.

Вряд ли Стиви ему поверила. Он и сам себе с трудом верил. Джадд в жизни вообще редко извинялся, а уж перед женщинами практически никогда.

Глядя на рыдающую Стиви, он чувствовал лишь досаду и желание убраться от нее куда подальше. Но Стиви Корбетт припала к его груди, словно умоляя поддержать ее, защитить, и ему и в голову не пришло послать ее к черту вместе с ее проблемами и быстрее унести ноги. Вместо этого Джадд обнял ее еще крепче и прижался щекой к ее белокурой макушке.

Она плакала, он ее обнимал. Уже одно это само по себе выходило за все привычные рамки. Обычно Джадд обнимал женщину только с определенными целями. Если при этом на ней было коротенькое кимоно, выставлявшее напоказ великолепные ноги, можно было считать, что они уже в постели. Если на ней было коротенькое кимоно, а под ним ничего, кроме маленьких трусиков, руки Джадда ласкали ее обнаженное тело, а не успокаивающе поглаживали по спине.

Все это промелькнуло у него в голове, пока они со Стиви стояли, обнявшись, на ее кухне. Джадд не мог припомнить, было ли с ним такое хотя бы раз в жизни. Он ощущал прикосновение ее упругой груди, гладкость кожи, видел – ну не слепцом же он был, в самом деле, – как чуть вырисовываются под тонким шелком кимоно пикантные очертания ее трусиков, но не чувствовал при этом желания немедленно заняться любовью.

Если бы он сейчас потащил Стиви в постель, то был бы настоящим подонком. В принципе, Джадд и не отличался высокими моральными качествами, но так низко все же еще не пал. Возможно, чувство вины тоже сыграло здесь не последнюю роль. В конце концов, именно он довел Стиви до слез. И в отличие от всех остальных женщин, которые плакали из-за него, прожженного негодяя и мерзавца, у Стиви Корбетт была настоящая причина предаваться отчаянию.

Постепенно ее рыдания стихли, уступив место тихим всхлипываниям. Сквозь ткань рубашки Джадд чувствовал ее прерывистые вздохи.

– Вам нужно поскорее лечь, – ласково сказал он.

Она кивнула и попыталась вытереть слезы. Тушь под глазами размазалась, и лицо Стиви украшали черные разводы.

Горячая киска и холодный ланч ожидали Джадда Макки. Он мысленно вздохнул и простился и с тем и с другим. Удивляясь себе, он осторожно поднял Стиви на руки. Она, похоже, удивилась еще больше.

– Это совсем не обязательно, Макки. Я могу ходить.

– Где спальня?

Чуть поколебавшись, Стиви махнула рукой в сторону спальни. Тело у нее было тренированное и упругое, и в любое другое время Джадд не преминул бы пристально изучить все

его особенности при помощи рук и губ. Стиви показалась ему легкой, как пушинка, – он мог бы пронести ее на руках сотню миль, и ему даже не стало бы жарко. Во всяком случае, не от физических усилий. Прижимать ее к себе и не заходить при этом дальше – вот тут действительно было от чего взмокнуть.

– Туда.

Он внес ее в большую, наполненную светом комнату. Повсюду были расставлены горшки и кадки с разнообразнейшими тропическими растениями.

– Фильм про Тарзана, случайно, не здесь снимался? – сострил Макки.

– Это мои питомцы. Гораздо проще организовать уход за ними, когда я в отъезде, чем пристраивать куда-то кошку или собаку. И, кроме того, они не будут по мне скучать.

Он опустил ее на кровать.

– Давайте ложитесь.

– Я уверена, это вы говорите всем девушкам подряд, – не могла не сострить в свою очередь Стиви.

– Я не шучу. И вам тоже не советую. Ложитесь же.

Она откинулась на ажурные подушки. По ее лицу было видно, какое облегчение она сразу испытала, но, подумал Джадд, сама бы она ни за что это не признала.

– Прошу прощения за рубашку.

– А? – Джадд опустил взгляд. Рубашка была мокрая и вся испачкана тушью. – Ерунда, отстирается, – отмахнулся он.

Он встряхнул легкое стеганое одеяло и накрыл им Стиви. Затем присел на кровать у нее в ногах.

– Расскажите мне все.

– Только не вам, Макки.

– Меня зовут Джадд.

– Я знаю. Под статьями ставят подпись автора.

– Господи, да забудьте вы об этих статьях хоть на минуту!

– А вы забыли? – резко бросила Стиви.

– Да!

Оба замолчали. Джадд заметил, что глаза ее снова наполняются слезами. Очень красивые глаза, цвета самого дорогого шотландского виски.

– Стиви, – мягко произнес он. – Я не собираюсь об этом писать. Мне просто кажется, что вам нужно выговориться.

Она шмыгнула носом.

– Да, но...

Джадд достал из стоящей на тумбочке коробки бумажный носовой платок и поднес к ее лицу.

– Сморкайтесь.

Она высморкалась. Он бросил использованный платок в корзину и взял еще один, чтобы вытереть ей глаза.

– Надо ведь с кем-то поделиться, правда?

– Правда. Просто это как-то неестественно – делиться с вами.

Джадд покачал головой:

– Если хотите знать, для меня это тоже не слишком естественная ситуация. Обычно, если я сижу на кровати, а рядом со мной лежит полуобнаженная красотка, последнее, чем мне хочется заниматься, – это разговоры. И ее губкам уж точно нашлось бы другое применение.

– Макки!

– Джадд. Рассказывайте. Когда вы узнали об этой опухоли?

– Сегодня утром.

– И кто же это такой умный решил, что вам нужно сообщить об этом прямо перед матчем?

– Я.

– Понятно.

Стиви нахмурилась:

– Я делала снимки. И хотела узнать результаты. Я *должна* была знать. – Она взглянула в окно. В ящике на подоконнике цвели нарциссы. – Наверное, я до конца не верила в то, что произошло самое плохое. Я убеждала себя в том, что готова ко всему, но... – Она перевела взгляд на Джадда. – Вы были правы. Я упала в обморок от волнения.

– Вас можно понять.

Джадд с преувеличенным вниманием разглядывал свои руки. Темные волоски на кистях, крепкие ногти, широкие запястья. Руки профессионального бейсболиста. Однако он не бейсболист...

– А эта опухоль, она... м-м-м...

– На матке. И на яичниках. – Стиви снова отвернулась к окну. – В последнее время у меня... были более сильные боли, чем обычно.

Джадд слегка кашлянул. Похоже, во всем, что касается женского тела, у него менталитет пятнадцатилетнего подростка. Ему нравилось смотреть на женщин, прикасаться, заниматься с ними любовью. То, что все они отличались друг от друга, и у каждой были свои, только ей присущие особенности, завораживало его. Джадд привык считать себя тонким ценителем. Ни одной женщине он не был верен, и такое состояние дел его вполне устраивало. Чем вряд ли можно гордиться в эту эпоху безопасного секса.

В первый раз Джадду пришло в голову, что тело женщины – это не просто чудесный инструмент для получения удовольствия. В нем заключается личность. В первый раз он подумал, каково приходится самой женщине, что *для нее* означает ее тело.

Осознание этого далось Джадду нелегко. Настолько, что ему было бы стыдно сейчас посмотреть самому себе в глаза.

– Мне должны сделать операцию и удалить опухоль, – тихо продолжила Стиви. – Несколько месяцев уйдет на то, чтобы оправиться после хирургического вмешательства и прийти в себя. Это в том случае, если опухоль доброкачественная.

– А что, может такое быть, что она *не* доброкачественная?

– Может.

Снова повисла пауза. Долгая, тяжелая, ужасная пауза.

– Но шанс, что опухоль не злокачественная, довольно высок, – быстро проговорила Стиви. – И если это действительно так, то операцию можно на какое-то время отложить. В противном случае и матку, и яичники придется удалить.

Джадд вскочил и принялся мерить шагами комнату. Остановившись возле кровати, он сердито посмотрел на Стиви:

– Тогда почему, ради всего святого, вы лежите здесь и ничего не делаете? Почему вы еще не в больнице? Не на операционном столе?

– Но я не могу делать операцию сейчас! – воскликнула она. – До Уимблдона остался всего месяц.

– И что?

Стиви закусила губу. Что за тупоумие, в конце концов!

– Я должна участвовать, вот что.

– Уимблдон никуда не денется. В следующем году поучаствуете.

– Как вы любезно заметили чуть раньше, я не молодею. Сейчас я играю лучше, чем когда бы то ни было, но сколько мне еще осталось? – Она упрямо покачала головой. – Это мой год. Мое время. Я чувствую. Если я не выиграю Большой шлем теперь, другого шанса у меня не будет. Вне зависимости от того, что там обнаружат хирурги во время операции. Будь я на десять

лет моложе, я бы смогла вернуться. Восстановительный период займет много месяцев. Может, еще дольше. И я уже никогда не буду в такой форме, как сейчас.

– А если опухоль злокачественная?

– Тогда все сложнее, конечно, – уклонилась от ответа Стиви.

– Что значит сложнее?

Она промолчала.

– Что значит сложнее? – настойчиво повторил Джадд.

– Если опухоль злокачественная, медлить с операцией нельзя ни в коем случае. Это подобно смерти.

Джадд с ужасом уставился на нее:

– Да вы с ума сошли, милая моя.

– Перед вами не стоит такой выбор. Не вам меня судить.

– Что говорит ваш врач?

– Он считает, что операцию нужно делать немедленно. Но пару недель подождать можно.

– Полностью с ним согласен.

– Вы не можете соглашаться с ним или не соглашаться. Это вас не касается.

– А менеджер ваш как считает?

– Он видит обе стороны проблемы. Говорит, что я сама должна решить, но если я собираюсь участвовать в Уимблдоне, то на раздумья у меня не больше двух недель.

– А у вас при этом боли.

– Боль не постоянная. Она то приходит, то уходит. Естественно, он желает мне лучшего.

– Он желает заработать денег.

– Нехорошо так говорить.

– А родители ваши что?

– Они умерли.

– Любовники?

– Вы знаете, как-то не с кем посоветоваться. – Стиви злобно взглянула на него. – Даже со «скандинавским башмачником», которому, кстати, скоро семьдесят и у него куча внуков.

– А этот гологрудый бразилец, который улыбается так, будто пасту зубную рекламирует?

– Ненавижу этого бабника. Тот, кто выдумал, что у нас будто бы роман, обучался, наверное, в той же школе для желтых журналистов, что и вы.

Джадд проигнорировал выпад.

– Значит, вам даже не у кого спросить, как поступить?

– Ну, это до тех пор, пока вы не напечатаете эту историю в своей газете. Тогда у каждого читателя появится свое мнение на этот счет, и все будут жаждать им со мной поделиться.

– Я же сказал, что разговор останется между нами.

– Я помню. Хорошо бы, чтобы и вы об этом не забыли.

– Я-то ничего не напечатаю, но новость станет достоянием общественности в тот же момент, как вы ляжете в больницу.

– Пока еще я не знаю, когда это произойдет.

– Да? Вы точно ненормальная. Вам нужно заняться этим сегодня же.

– У вас когда-нибудь была операция, мистер Макки?

Он чуть поколебался.

– На внутренних органах – нет.

– Тогда почему вы считаете себя вправе давать мне советы? Непрошенные советы, позвольте добавить.

– Слушайте, – нетерпеливо произнес Макки. – Как вы не понимаете! Это не вопрос вашей карьеры. Дело идет о вашей *жизни*.

– Теннис – моя жизнь.

– И вы еще говорите мне о банальностях.

Стиви задрала подбородок и высокомерно посмотрела на Джадда.

– Что ж, мистер Макки. Думаю, все ясно. Мне нужно о многом подумать, а вы мне очень мешаете. Итак, вы получили сенсационную историю, за которой, собственно, и явились, и теперь спокойно можете уйти. Всего доброго.

– Хорошо. Вернусь в редакцию и тут же примусь за ваш некролог.

Стиви резко села на постели. Одеядо сползло с нее.

– Вы не можете себе представить, насколько тяжело мне принять решение.

– Жить или умереть? Это, по-вашему, трудное решение?

– Все не так однозначно. Пока еще неизвестно, злокачественная опухоль или нет. Неизвестно, действительно ли нельзя медлить ни минуты. Но зато точно известно, что, если проводить операцию сейчас, моей карьере конец. Это единственный факт на сегодняшний день. И только на нем я могу основывать свое решение. – Она перевела дыхание. – Вы не можете понять меня, Макки. Вы не знаете, что это такое – пожертвовать мечтой всей своей жизни. Ваши мечты не простираются дальше очередной доступной телки и двойного виски.

Спорить с этим было трудно. Стиви чертовски точно описала жизнь, которую Макки вел последнее время. И именно потому, что она была более чем права, Джадд вдруг страшно разозлился. Вряд ли Стиви об этом догадывалась, но она высказала вслух его собственное, тщательно ото всех скрываемое мнение о себе. Крыть было явно нечем. Однако уйти просто так, не выпустив на прощание парфянскую стрелу, он не мог.

– Еще кое-что, мисс Корбетт. Думаю, вам следует это знать.

– Ну?

– У вас халат распахнулся.

– Да, спасибо, мне намного лучше. – Прошло несколько часов. Стиви разговаривала по телефону со своим врачом. – Лекарство помогло мне расслабиться. Я хорошо выспалась.

Во сне перед ней постоянно плавало красивое, самоуверенное, противно ухмыляющееся лицо Макки. Точно такое же выражение было у него, когда он подбородком указал на ее голую грудь. До чего же подлый человек. Не зря она его всегда терпеть не могла.

– Это был просто случайный обморок. Я переволновалась, когда узнала о результатах.

Врач, уловивший в ее тоне усталость и грусть, стал настаивать на том, чтобы операция была немедленно поставлена в план.

– Доктор, но вы же сами согласились с тем, что отсрочка на пару недель не критична, – напомнила ему Стиви. – Мне нужны эти две недели. Я должна все взвесить и принять решение.

Попрощавшись, она повесила трубку. Доктор сказал, что ей необходимо выслушать еще чье-нибудь мнение, и Стиви не стала говорить ему, что еще одно мнение ей уже известно. Даже два мнения. На матке и яичниках у нее опухоль. Злокачественная она или нет, выяснится только при операции.

С этими тягостными мыслями Стиви поплелась в гостиную и включила телевизор. По местному каналу как раз шли спортивные новости. Стиви увидела на экране саму себя, расprostертую на ярко-зеленом теннисном корте. Зрители на стадионе повскакивали с мест. Журналисты и организаторы турнира словно с ума посходили. К счастью, Стиви была без сознания и не видела, что за ад творился в этот момент вокруг нее. Последнее, что она помнила, – это то, как вышла на корт. Как знать, может быть, этот турнир был для нее последним...

К тому моменту, как Стиви упала в обморок, она выиграла у соперницы уже два гейма. Должно быть, она играла полностью на автомате, потому что матч абсолютно стерся у нее из памяти.

«...Можем только догадываться, чем был вызван обморок мисс Корбетт, – тараторил ведущий новостей. – Ее менеджер сделал заявление для прессы, но сообщил лишь, что с мисс

Корбетт все в порядке и сейчас она отдыхает. – Где именно – он умолчал. – А сейчас мы возвращаемся на «Рейнджерс Стэдиум», где в данный момент...»

Стиви выключила телевизор.

«Все в порядке. Всего-навсего опухоль. Моя карьера, скорее всего, окончена, и я никогда не смогу иметь детей, но это пустяки. Ничего серьезного».

Она прошла в кухню. Есть не хотелось, но нужно было чем-нибудь заняться. Заметив стакан, из которого Джадд Макки пил кока-колу, она поскорее сунула его в посудомойку. С глаз долой. И забыть о его существовании.

Но забыть о Макки Стиви никак не удавалось, и это сильно ее раздражало. Более того, только о нем она и думала. Почему? Может быть, потому, что он был так добр к ней – против всяческих ожиданий – и утешал ее, когда она плакала. Или потому, что он сдержал свое обещание и не предал ее историю огласке. Наверное, когда она примет наконец окончательное решение, стоит позвонить Джадду Макки. Пусть он узнает об этом первый. За свое благородное поведение он заслужил эксклюзивное интервью.

Стиви съела немного мюсли и свежей клубники – назло Макки, который издевался над ее приверженностью к здоровой пище, и вернулась в спальню.

Расплетая косу, она опять подумала о Джадде. О том, как он притрагивался к ее волосам, краешку губ, как держал ее в объятиях, давая выплакаться. Он нес ее на руках. Стиви отчетливо помнила прикосновение его рукава к оголившемуся бедру и его мускулистую грудь. И это не давало ей покоя.

Джадд Макки был ее заклятым врагом. С кончика его пера прямо капал яд. Он не знал пощады. Но теперь, когда рядом никого не было, Стиви могла признаться самой себе, что, когда Макки прикоснулся к ней, это вызвало у нее вполне определенную физическую реакцию: соски затвердели и внизу живота появилось напряжение.

Она представила, как он сидит на ее кухне, удобно устроившись на стуле, и чувствует себя абсолютно в своей тарелке. Он всегда выглядел немного взъерошенным, немного помятым. Волосы Джадда были несколько длиннее, чем обычно носят мужчины. Не потому, что он выбрал для себя именно такую прическу, а потому, что постоянно забывал сходить в парикмахерскую. Да, Макки был хорош. Этаким небрежно-сексуальный одинокий волк. Классический «плохой парень». Мягкость и обходительность были ему совершенно не свойственны. Казалось, что он так и нарывается на неприятности, но, как ни странно, это только добавляло ему привлекательности. Как и нахальное выражение лица. Для женщин с определенным складом характера его очарование было роковым. Стиви испытывала искреннюю жалость к тем несчастным, которым не повезло влюбиться в Джадда Макки.

Расчесывая волосы, Стиви упрекнула себя в легкомыслии. Зачем она ввязалась в словесную перепалку с Макки? Никто не способен понять, что за выбор стоит перед ней, а он особенно. Что он может знать об отказе от амбиций? Его собственные притязания довольно заурядны. Он халтурщик и выпивоха, и многого ему не надо.

Однако в чем Макки действительно не откажешь, так это в знании женщин, подумала Стиви. Эти его последние слова она будет помнить еще очень долго.

Она положила расческу на туалетный столик и улеглась в постель. Спала Стиви на боку – если она лежала на спине, начинал побаливать живот. Положив руки под щеку, она долго смотрела в темноту и думала о Джадде. Почему-то вдруг вспомнился одобрительный взгляд, которым он награждал ее грудь. Интересно, а он заметил, что ее соски красиво выделяются под тонкой тканью кимоно?

Скорее всего, заметил. Это же Макки. Уже засыпая, Стиви почувствовала, что краснеет.

Глава 3

– Алло, – сонно пробурчал Джадд в телефонную трубку. – Черт возьми, кто бы это ни был, будет лучше для вас, если это действительно что-нибудь важное. – Он бросил взгляд на стоявший на тумбочке будильник.

– О, не сомневайся. Важное.

– Майк. Господи, для чего ты трезвонишь в такую рань?

– Чтобы уведомить тебя, что ты уволен.

Джадд шумно выдохнул и рухнул обратно на подушку.

– Ты меня уже увольнял на прошлой неделе.

– На этот раз я серьезно.

– Ты всегда так говоришь.

– Ты, ленивый, никчемный ублюдок, на этот раз я серьезно, слышишь?! Ты читал сегодняшние газеты?

– Я еще глаза не успел открыть, какие газеты.

– Тогда позволь мне сообщить тебе новость. Наши конкуренты напечатали сенсационный материал, раздобыть который должен был ты. А ты все провалил.

– Что?

– Пока ты просиживал штаны, сочиняя дурацкую статью о новом мексиканском кетчере «Рейнджеров», наши друзья из «Морнинг ньюс» раскопали историю Стиви Корбетт. У нее рак.

Джадд с проклятиями выпутался из простыни и свесил ноги с кровати. Голова раскалывалась, в горле словно застрял комок шерсти. Он и еще несколько парней вчера после матча «Рейнджеров» отправились в стрип-бар и неплохо там отдохнули. Было море пива и куча гологрудых девок. Джадд вливал в себя кружку за кружкой, надеясь с помощью выпивки и красоток избавиться от стоящего перед глазами образа соблазнительной сердитой Стиви Корбетт в распахнувшемся кимоно. Бесполезно. Никого более сексуального, чем Стиви, в баре не было. И Джадд пил все больше и больше.

– О чем ты говоришь, Майк? И совершенно незачем так орать.

– Ты сказал, что разговаривал с мисс Корбетт вчера.

– Так и есть.

– А еще ты сказал, что там не о чем писать. Никакой сенсации.

– Я так считаю.

– А то, что у нее рак яичников, – это, по-твоему, не сенсация? – возопил главный редактор.

– У нее не рак! – завопил в ответ Джадд. – У нее просто опухоль. Может, злокачественная, а может, и нет. Как об этом узнали в «Ньюс»?

На том конце провода воцарилась тишина. Джадд не обратил на это внимания. Он встал с постели и, прихватив с собой телефон, направился в ванную. Отражение в зеркале было страшным. Собственно, о том же Джадду сообщала и головная боль: прошлая ночь не прошла для организма даром.

– Так ты знал об этом? Ты *знал*?!! – взревел Майкл. – И дал в номер полную чушь?

Чтобы слышать крики Майкла, вовсе не обязательно было держать телефон возле уха. Кроме того, Джадд уже давно выучил наизусть все тирады главного редактора. Он пристроил трубку на край раковины и принялся бриться.

– Ты не журналист! – Громовой голос Майкла перекрывал шум воды. – Тебе не о чем было бы писать, если бы ты не шлялся по барам, где тусуются спортсмены и их фанаты. Ты ни черта не репортер, ты стенографист. Все, на что ты способен, – это записать очередную пьяную болтовню и выдать ее за интервью. Креативная журналистика!!!

Джадд закончил бриться. К тому моменту, как он прополоскал рот от зубной пасты, Майкл как раз сделал паузу, позволившую ему вставить слово.

– Читатели кушают это как миленькие. Раскупают лучше, чем мороженое в жаркий день. Подумай сам, Майк, кто станет читать спортивную страницу, если там не будет моих статей? Никто. Ты это понимаешь?

– Вот я как раз и хочу это узнать. Считай, что это была твоя последняя статья для моей газеты. Ты меня понял, Макки?

– Понял, понял.

– Повторяю, на этот раз я серьезно. Ты уволен! Я велю Эддисону разобрать эту крыси-ную нору, которую ты называешь своим письменным столом. Свои пожитки можешь забрать у стойки администратора на первом этаже. И чтобы я никогда больше не видел твою распухшую от пьянства физиономию в редакции.

Раздались короткие гудки. Нисколько не расстроившись, Джадд полез под душ. Через пару минут он уже совершенно забыл о звонке главного редактора. Как правило, Рэмси увольнял Джадда раз десять в месяц. Ничего нового.

И даже если Рэмси на самом деле собирался выполнить свое обещание, возможно, это было самое лучшее, что он мог сделать для Джадда. В одном отношении Майкл точно был прав: статьи Джадда *действительно* состояли в основном из пересказа услышанных им разговоров и сплетен, приправленных его собственными остроумными комментариями и «мудрыми» мыслями, – он придумывал их прямо на ходу, пока печатал. На протяжении нескольких лет Джадд пытался убедить себя, что читатели и не догадываются, что он тратит на свои статьи до смешного мало времени и сил, а если бы даже они и узнали, им было бы на это совершенно наплевать.

Но самому ему было далеко не наплевать. Он знал, что его вирши по большому счету не стоят и бумаги, на которой они напечатаны. Он получал деньги практически ни за что. В конце концов Джадду стало просто стыдно и дальше дурить свою аудиторию и своего редактора, который регулярно платил ему довольно высокую зарплату. Раньше он еще мог относиться к этому с юмором и посмеиваться в кулак, получая чек, теперь – нет.

Вот почему он все чаще напивался до чертиков и спал со всеми женщинами без разбора – лишь бы день прошел скорее. Ничто не имело значения. Незачем работать, незачем просыпаться по утрам. И хотя он был единственным человеком, который это понимал, жить с таким ощущением было нелегко.

Джадд хотел бы заняться настоящим творчеством, но боялся, что от литературного таланта, коим он некогда обладал, ничего не осталось. Все растрчено впустую. Да и пусть. Все равно он слишком стар, чтобы всерьез мечтать о переменах.

Однако о своем будущем он сейчас не думал. Как ни странно, его больше заботило будущее Стиви Корбетт. Откуда же его конкурент узнал о ее болезни? И как должна себя чувствовать Стиви, увидев, что самые интимные подробности ее личной жизни оказались известны всем и каждому?

Это выяснилось достаточно скоро.

Стиви Корбетт продемонстрировала свой знаменитый удар справа, попытавшись теннисной ракеткой пробить голову Джадда.

– Что за...

– Подлец!

Он еле успел пригнуться. Стиви размахнулась и нанесла сокрушительный удар слева. Джадд чудом сумел перехватить ручку ракетки. Некоторое время они, тяжело дыша, боролись за обладание спортивным инвентарем.

– Да что с тобой такое, черт возьми! – заорал Джадд.

– Ты все рассказал! Ты же говорил, что не будешь ничего публиковать! Врун проклятый! Ты...

– Я никому ничего не рассказывал!

– Не ври! – возмутилась Стиви. – Ты единственный, кто знал!

Джадд наконец вырвал ракетку у нее из рук и швырнул на пол.

– Ты что, думаешь, я отдал бы такую историю своим конкурентам? Я ничего не писал. Статью напечатала другая газета. Я ее даже не читал.

Стиви попробовала унять владевший ею гнев и трезво взглянуть на проблему. И в самом деле, зачем ему сдавать такую новость в конкурирующую газету? Никакого смысла в этом нет. Но в последнее время ее жизнь вообще стала напоминать театр абсурда. Смысла не было ни в чем.

– Тогда как ты узнал о статье? – с подозрением спросила она. – И как тебе удалось пробраться сквозь полицейское ограждение?

С раннего утра двор дома, где жила Стиви, заполнили журналисты. Ее менеджер не выдержал и вызвал полицию, попросив стражей порядка не впускать посторонних внутрь.

– Один из полицейских мне кое-чем обязан.

– Чем это?

– Это связано с его сестрой.

Стиви потеряла лоб:

– Снимаю свой вопрос. Не надо подробностей.

– Я тоже думаю, что тебе не стоит об этом знать. Достаточно сказать, что как-то после большой игры эта девчонка пробралась в раздевалку и решила развлечь игроков, праздновавших победу.

Стиви потрясенно взглянула на Джадда и помотала головой:

– Я тебе верю. Ты не смог бы выдумать такую дурацкую историю.

Джадд взял ее за плечи и усадил на барный табурет. Там она и сидела, когда он тихонько открыл заднюю дверь ее дома и проскользнул внутрь. Увидев его, Стиви как раз и схватилась за ракетку, в разработке дизайна которой поучаствовала лично.

– Как этот писака узнал обо мне, Макки?

– Я не знаю. Но собираюсь это выяснить. – Джадд дотянулся до телефонной трубки и набрал какой-то номер. Дождавшись ответа, он попросил позвать того самого спортивного журналиста из конкурирующей газеты. Он назвал его просто по имени. Очевидно, несмотря на соперничество, они были в дружеских отношениях. – Привет. Это Макки. Поздравляю. Отличная история про крошку Корбетт. – Стиви послала ему испепеляющий взгляд. Джадд не обратил на него внимания. – Как тебе удалось ее разговорить? Дело-то ведь очень личное. Или ты, как настоящий джентльмен, не хочешь портить репутацию дамы? – Стиви разинула рот. Джадд прикрыл его своей рукой. – Вот как? Это не она рассказала? А кто тогда? Ее менеджер, что ли? – Стиви стряхнула руку Джадда и отрицательно покачала головой. – Ладно, я сдаюсь. Кто же это? Ну хорошо, джинн уже выпущен из бутылки, вполне можно раскрыть источник... – Джадд сердито сдвинул брови. – Слушай, ты, шустрик, я вчера изо всех сил надрывал задницу, пытаюсь выяснить, что же с ней произошло, и полностью обломался. Скажи мне, что я упустил? – Стиви не отрываясь смотрела на Джадда. Его лоб немного разгладился, но выражение лица по-прежнему было мрачным. – Понятно. Ну что ж, на этот раз ты меня обошел, приятель. Но больше такого не повторится. – На взгляд Стиви, Джадд вел беседу в весьма вульгарной манере, несмотря на дружеский тон. – И тебе того же. Удачи. – Джадд повесил трубку.

– Ну? – потребовала Стиви.

– Сотрудник из лаборатории Митчелла.

– Я делала там сонограмму, – протянула Стиви. – Я знала, что никто из больницы не выдаст врачебную тайну, но вот о лаборатории я не подумала...

– Не будь такой наивной. Кто угодно заговорит, если выбрать правильную наживку. Где у тебя кофейные чашки?

– Второй шкафчик, верхняя полка.

– Ты будешь?

– Нет, спасибо. Он у меня уже из ушей льется.

Джадд налил себе кофе и вместе с чашкой устроился за барной стойкой. Он сел на тот же табурет, что и в прошлый раз, рядом со Стиви.

– Как спалось? – поинтересовался он.

– Хорошо.

– Откуда тогда круги под глазами?

Стиви старалась не смотреть Джадду в глаза, опасаясь, что он каким-то образом поймет – спала она вовсе не хорошо, и причиной тому отчасти был он. Всю ночь она ворочалась с боку на бок, то и дело забываясь беспокойным сном. Кошмары сменялись эротическими видениями, которые, в свою очередь, уступали место абсолютной фантазмагии. Джадд принимал непосредственное участие и в первых, и во вторых, и в третьих. Стиви была совершенно измотана. Однако весьма бестактное замечание Джадда ей не понравилось.

– Ну, ты тоже выглядишь так себе, – не осталась она в долгу.

– Вечер накануне выдался не из легких.

– Тогда что ты делаешь здесь? Почему не отлеживаешься дома? Позлорадствовать пришел?

Лицо Джадда чуть заметно напряглось, но он продолжил спокойно пить кофе.

– Я бы, может, и злорадствовал сейчас, если бы это была моя статья. Но я ее не писал. А если бы писал, то изложил бы все факты в точности, ничего не переуврал.

Стиви побледнела.

– Если верить статье, моя карьера окончена. И вообще я практически на том свете – остается лишь гроб купить.

Джадд неожиданно соскочил с табурета и выругался так крепко, что Стиви вздрогнула.

– Больше так никогда не говори. У меня мурашки бегут по коже.

– О, извини. Я не учла, что у тебя на редкость тонкая душевная организация, – съязвила она. – Только, видишь ли, опухоль именно у меня, и я буду говорить о своей болезни так, как мне в данную минуту хочется, не выбирая слов. Если тебе это не нравится – можешь уйти. Неплохая идея, кстати.

На самом деле идея была очень плохая. Меньше всего на свете Стиви хотелось бы, чтобы Джадд сейчас ушел. Теперь, когда она узнала, что не он написал проклятую статью, и больше не желала убить его, она радовалась, что он рядом. В присутствии Джадда она постоянно думала, как бы поостроумнее ему ответить, и отвлекалась от грустных и тяжелых мыслей.

Чтобы Джадд не догадался, как сильно она в действительности хочет, чтобы он остался, Стиви выбрала максимально высокомерный и враждебный тон.

– Тебе совершенно незачем здесь оставаться. Твое присутствие меня только раздражает. Тебе лучше уйти.

– Я приехал, чтобы отвезти тебя в больницу.

– Я не собираюсь ехать ни в какую больницу. Я уже сказала вчера. У меня есть две недели...

– Слушай, Стиви...

– Нет, это ты слушай, Макки. Это моя жизнь. Я принимаю решения, и никто...

В дверь позвонили.

– Мисс Корбетт! – донесся приглушенный голос. – Что вы можете сказать по поводу того, что у вас рак? Что вы чувствуете, зная, что вам придется оставить теннис?

– О господи! – воскликнула Стиви. – Почему они не могут оставить меня в покое?

Нервы ее сдали. Она уронила голову на барную стойку и закрыла ее руками.

В конце концов настойчивый репортер убрался восвояси. Возможно, его отогнал один из полицейских, задачей которых было вообще-то не пускать подобных непрощенных гостей на порог. Джадд положил руки на плечи Стиви. Она дернулась.

– Тогда хотя бы позволь мне увезти тебя отсюда на пару-тройку часов. – Он развернул ее табурет так, чтобы она оказалась лицом к нему.

– Почему ты хочешь помочь мне?

– Потому что мне стыдно за то, что вчера я вел себя как шакал, разыскивающий падаль.

– Но ведь это не ты написал статью.

– Все равно я ощущаю свою вину. – Стиви хмыкнула. – Я знаю, что ты не считаешь меня настоящим журналистом, так же как и я не считаю тебя настоящей спортсменкой, – прибавил Джадд. – Я слишком много пью, слишком много развлекаюсь и привык потакать всем своим слабостям. Я ненадежный. Я чересчур язвительный. Но все-таки за всем этим – ну то есть за внешностью неотразимого красавца – скрывается довольно неплохой парень, знаешь ли.

– Ну да, разумеется.

Джадд обольстительно улыбнулся, и сердце Стиви подпрыгнуло.

– Дай мне один день, и я докажу, что ты ошибаешься.

Нужно было соглашаться, однако Стиви колебалась. Несмотря на все свое обаяние, Макки был далеко не прост. Что, если он все же собирает материал для статьи? Может, он хочет написать о ней нечто вроде глубокого психологического очерка, в котором она представит «глуповатой дебютанткой». Однажды он назвал ее так в одном из своих опусов.

– Не думаю, что это удачная мысль, Макки. Пожалуй, я лучше останусь здесь.

Словно бы в ответ на ее слова одновременно раздались трель телефона и долгий настойчивый звонок в дверь.

– Ты это нарочно? – подозрительно спросила она.

Джадд усмехнулся. Его идея получила неожиданное подкрепление.

– Провидение на моей стороне. Иди и собери все, что тебе понадобится в течение дня. Мы вернемся до темноты. – Он говорил уверенным тоном, так, словно вопрос был уже решен.

– Макки. Даже если бы я и согласилась провести день вместе с тобой – а я не соглашаюсь, – из этого в любом случае не вышло бы ничего хорошего. Мы оба слишком известны. Мы не сможем никуда пойти: нас тут же узнают. И бросятся за нами вдогонку.

– Именно поэтому мы уедем из города.

– Уедем из города? Куда?

– Увидишь.

– Как мы проберемся мимо всех этих репортеров?

– Может, ты прекратишь, наконец, тянуть время и пойдешь собираться? – нетерпеливо спросил Макки.

Стиви внимательно вгляделась в его лицо. Доверия оно вызывало не больше, чем физиономия пирата с повязкой на глазу. Скорее всего, они весь день будут переругиваться. Однако сидеть, как заложница, в своем собственном доме, не имея возможности выйти, – это гораздо хуже. И Стиви решила.

– В этом можно пойти?

На ней были шорты-бермуды, майка и сандалии.

– Можно. Бери сумку.

Меньше чем через пять минут Стиви вошла в кухню с холщовой сумкой наперевес. В нее она постаралась напихать все, что могло пригодиться. Джадд стоял у раковины и мыл кофейник.

– А ты вполне тут освоился, я смотрю.

– Угу. – Он неторопливо вытер руки и отложил полотенце в сторону. – Так и есть.

Он приблизился к Стиви, обнял ее за талию, притянул к себе и поцеловал.

Стиви настолько не была готова к такому повороту событий, что ей и в голову не пришло воспротивиться или даже вскрикнуть. Джадд поцеловал ее легко, едва касаясь губ, затем скользнул ниже, к шее. Его рука погладила ее грудь. Он легонько ущипнул ее сосок, и тот немедленно затвердел. Все, что Джадд проделывал, было как бы не всерьез, не по-настоящему, но реакция Стиви оказалась самой что ни на есть неподдельной. Жаркая волна внезапно накрыла ее с головы до ног. Он прижал ее крепче, раздвигая бедром ноги, и жар внутри усилился. Кончиками пальцев он ласкал ее шею, щекоча губами ее губы. Он будто играл с ней, небрежно, лениво, словно ему было все равно, раскроет она губы в ответ или нет. Если да – отлично. Будет настоящий поцелуй. Если нет – отлично. Ничего страшного, даже забавно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.